

Петр Межурицкий

Дневник человека

Рассказ

По всей видимости, только я никоим образом не причастен к разрушению Советского Союза. Так, во всяком случае, мне хочется думать. Можете со мной спорить, но не из пустой прихоти или тайного тщеславия появился на свет именно этот воистину всемирно-исторический дневник. Нет, завел я его с единственной целью – обеспечить себе духовное алиби. Ведь как ни притворяйся настоящим советским человеком, а однажды тебя непременно разоблачат. И вовсе неспроста мысленному моему взору слишком часто представлялась следующая малоутешительная картина: под занавес допроса матерый следователь победоносно достает из ящика стола раздобытый ушлыми оперативниками дневник, коему я поверял свои самые сокровенные мысли и чаяния. Разве не обидно в подобной ситуации сознавать, что этакая духовная шалость, иллюзия, мираж безусловно перевесит в качестве доказательства годы безупречного притворства и реального верноподданничества? Думаю, не иначе как от досады меня и осенило. А что если в обычной жизни быть самим собой, а вот дневник вести так, словно я настоящий советский человек? Сказано – сделано. Когда я убеждался, что дома все уснули, и даже последний сверчок сам себя утомил, я на цыпочках подкрадывался к заветному тайнику, извлекал драгоценную рукопись, и устроившись на кухне под столом, при свете лучины вносил очередную запись. Например: «Число. Месяц. Сегодня исполнилось шестьдесят три года со дня рождения Кунаева Динмухамеда Ахмедовича, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана. Чувство глубокого удовлетворения не покидает меня с самого раннего утра. Да и кого может

оставить равнодушным даже краткий перечень заслуг и свершений товарища Кунаева, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана?». И т. д. День ото дня, вернее, ночь за ночью в кратких своих записях я клеймил, выражал братскую солидарность, благодарил за неустанную заботу, давал гневную отповедь – и вот однажды оказался задержанным органами государственной безопасности.

Напрасно я пытался изобразить политическую невинность. Как правило, в конце очередного многочасового допроса один из следователей выкладывал на стол неопровержимые СВИДЕТЕЛЬСТВА того, как полгода назад я скептически усмехнулся на комсомольском собрании, или как три месяца назад глаза мои не загорелись неподдельным возмущением при упоминании имени Голды Меир. Конечно, я исписывал килограммы бумаги, объясняя, что вовсе не усмехался, но лишь особое расположение света и тени на моем лице ввели в заблуждение славного тайного помощника органов, бдительно наблюдавшего за моим поведением. Я чертил схемы специфики освещения в том именно месте, где я сидел на злополучном собрании, но экспертиза всякий раз ставила под сомнение мою искренность. Силы постепенно оставляли меня, но делу не видно было конца. Уже не менее пяти научно-исследовательских институтов полными составами переключились исключительно на тематику, связанную с раскрытием моего подлинного лица, уже были чувствительно сокращены годовые бюджеты нескольких сельскохозяйственных и даже тяжлопромышленных областей с целью максимально повысить эффективность оперативно-розыскной работы по моему делу, но все-таки решающего успеха, такого, чтобы у самого злостного очернителя советской действительности не возникло малейшего повода усомниться в правомерности репрессий властей по отношению ко мне, добиться не удавалось.

И вдруг допросы, очные ставки и следственные эксперименты внезапно прекратились. Несколько суток меня не вызывали, а еще через какое-то время из моей камеры отселили провокатора, который месяца три тщетно уговаривал меня прорыть подкоп в кабинет следователя, выкрасть оттуда радиоприемник, и хоть разок вдоволь наслушавшись Би-Би-Си, вернуть приемник на мес-

то и засыпать подкоп. Я понял, что дневник мой обнаружен. Однажды в камеру вошли пятеро с лицами головорезов и повадками дипломатов. Туманно представившись, они, не переставая изысканно извиняться, натянули мне на голову светонепроницаемый пакет и, осведомившись о самочувствии, вывели, как я понял, из здания тюрьмы. Путь предстоял неблизкий. Сначала мы ехали на автомобиле, потом пересели в самолет. Посреди полета с меня сняли светонепроницаемый пакет, побрили, подстригли, опрыскали дезодорантом, накормили и снова вернули пакет на голову. «Неужели меня решили обменять на Луиса Корвалана, о котором я несколько раз так тепло отзывался в своем дневнике?» – терялся в догадках я. Наконец после долгого спуска в лифте меня провели по довольно извилистым коридорам, завели в некую комнату и предложили сесть. Удивительно, до чего быстро человек привыкает обходиться без помощи зрения. Конечно же, чисто умозрительно жаль утраченной способности к светоощущению, но с другой стороны, начинаешь как-то неизмеримо глубже, а главное – пронзительней ощущать окружающее тебя пространство. Я почему-то сразу понял, что слева от меня находится стеллаж с полным собранием сочинений классиков марксизма-ленинизма, справа бар с выпивкой, которую мне вряд ли предложат, а передо мной стол, за которым восседает член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, и в руках у него мой дневник.

– Итак, – начал Андропов, когда мы остались одни, – вы тут пишете, – он не торопясь полистал дневник и, наконец, принялся монотонно меня цитировать: «Число. Месяц. Сегодня электронные средства массовой информации разнесли по стране и миру радостную весть о том, что Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Волна счастья сразу же нахлынула на меня. Наконец-то! Душа так и пела: сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии! Я раскрыл утреннюю почту. На первых полосах всех без исключения газет сообщалось, что сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Я ущипнул себя за ухо, – а вдруг это только дивный сон...» – Андропов

прервал чтение, прошелся по кабинету и совершенно неожиданно признался:

– Вот и я сочиняю стихи, и представьте себе, не написал пока ни одного о роли партии в построении развитого социализма или хотя бы о роли комсомола в воспитании молодежи – все больше о любви, знаете ли, семье, природе. В сущности, вы лучше меня.

– Господь с вами, Юрий Владимирович!

– Нет, нет, не спорьте. В сущности, вы лучше всего советского народа, этого крайне лицемерного строителя коммунизма. Знаете что? Напишите-ка мне донос на весь советский народ, а я возьму – и долбану по нему всем своим ракетно-ядерным потенциалом.

– Но Юрий Владимирович, – несмотря на охвативший меня ужас, осмелился возразить я, – ведь двадцать миллионов лучших представителей этого народа являются членами и кандидатами в члены КПСС.

– Двадцать миллионов? Да вы смеетесь надо мной! Впрочем, ради двадцати миллионов настоящих коммунистов я, конечно, не долбану.

– А ради двух миллионов?

– И ради двух не долбану.

– А ради одного?

– Вы правы, ради одного, пожалуй, и мараться не стоит. Но с другой стороны, как вы полагаете, на сколько времени можно еще растянуть строительство коммунизма, имея в наличии лишь один миллион настоящих коммунистов?

– Ну, лет на семьсот-восемьсот, – осторожно, стараясь все-таки не оскорблять здравого смысла и не слишком далеко выходить из границ реальности, предположил я.

– То есть в исторической перспективе – совсем ничего, – почти радостно подхватил Андропов. Он встал, задумчиво прошелся по кабинету, остановился у стеллажа с томами печатных трудов собственных предтеч, вздохнул и, вернувшись на свое рабочее место, продолжил. – Поэтому и нужна вечная идея. Понимаете? Вечная! Жить, например, чтобы покорять пространство и время. Как вы это находите?

– По-моему, хорошо.

– А вот Дмитрий Федорович Устинов так не считает. На редкость прагматичный человек. Спит и видит, как я умру, а он станет Генеральным секретарем. Как-будто плох тот коммунист, который не мечтает стать Генеральным секретарем. Где это написано? И снимите вы, наконец, этот идиотский светонепроницаемый колпак. Мне трудно разговаривать с вами, не видя вашего лица.

Пришлось подчиниться.

– Так вот вы какой, – удивился Андропов. – А я думал, вы совсем другой.

– А я вас сразу узнал. Да и сейчас меня не покидает чувство, будто не с вами, а с вашим портретом беседую.

– Ай, бросьте вы, в самом деле! Хотя, признаться, и меня не оставляет ощущение, словно разговариваю не с вами, а с вашим личным делом. Однако все мы время от времени и до поры до времени только люди. Вы лучше подскажите, чем можно занять народ, который уже осуществил свою национальную идею? Вот в чем вопрос текущего момента, как говорил Гамлет. Идея свыше нам дана, а коль не дадена, – хана! Извините за рифму, совершенно эстетически неуместную в контексте нашего диалога. Вероятно, нечаянный выплеск подсознания. С вами не бывает? Увы, мой друг, ни люди, ни даже их высшие руководители совершенно не в состоянии производить никаких идей, включая и ложные. Это говорю вам я, верный ленинец, беззаветный борец за мир и социальную справедливость. Как было сказано, Бог дал, Бог взял. Особенно это касается идей. Так что, давайте помолимся о даровании нам национальной идеи. Кстати, мне лично очень понравился ваш дневник. Непременно дам его почитать своим соратникам по политбюро. А теперь – ступайте. Вам принесут извинения и наградят орденом, пожалуй, даже двумя. Вы их вполне заслужили. И смотрите, чтобы вас не пристрелили при попытке к бегству. Мне было бы очень жаль. Ну, ступайте, ступайте же! – он снял очки, прикрыл лицо ладонями и разрыдался.

Разрыдался и я, правда, уже через много лет и, кажется, по другому поводу. Где теперь мой дневник? Где Советский Союз? Где Андропов? Вряд ли кто-либо из живущих, в том числе и я, способен вразумительно ответить на эти вопросы. Однако и повествование мое подошло к концу, и читателю, разумеется, не терпится

узнать, что стало хотя бы со мной. Ну что ж, после того как меня действительно чуть было морально не пристрелили при попытке получить статус беженца в США, я переселился в Израиль, маленькую страну в Восточном Средиземноморье, где и дожил до глубокой старости, выращивая фрукты и овощи, названия которых не в состоянии запомнить. Вот, собственно, и все. Здешняя жизнь совершенно не располагает к ведению дневника.

Израиль

